

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

**МИШУТКИНА
КОМАНДИРОВКА**

Детгиз
1962

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

МИШУТКИНА КОМАНДИРОВКА

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. Панова

*Государственное Издательство
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства Просвещения РСФСР
МОСКВА 1962*

КОМАНДИРОВКА

П

апа сказал Мишутке:

— Мама поступает работать.

Пока тебя не устроим в детский сад, поедешь к бабушке. В командировку. Понял?

Мишутка кивнул головой.

Он понял всё, кроме слова „командировка“. Но непонятные слова нравились ему, и он тут же объявил своим приятелям:

— Я еду в командировку!

Мишуткин товарищ Петушок решил, что „командировка“ — это такая станция, раз в неё уезжают. Он спросил у Мишутки:

— Это далеко?

— Далекo! — на всякий случай ответил Мишутка.

Маленькая Оля по-своему растолковала загадочное слово. Она подумала, что „командировка" — это такое представление. Поэтому она спросила:

— А когда начало?

— Скоро! — ответил Мишутка, тоже на всякий случай.

Мишутка жил в городе Ярославле, а бабушка жила в небольшом подмосковном городке.

Городок назывался Бабушкин. Мишутку не удивляло это название. Ведь всё, что относилось к бабушке, называлось „бабушкиным".

Вечером папа сказал:

— Собирайся в дорогу.

И Мишутка стал собирать свои игрушки. Из-под кровати, из-за шкафа, из всех углов тащил он игрушки: тачку, лопатку, медведя, слона, пожарную машину, ружьё, зайца...

— Стой, стой! — сказал папа. — Ты что, все игрушки решил забрать?

— Да, — признался Мишутка.

— Зачем? — спросил папа. — Ведь ты не насовсем едешь, а в командировку.

Тогда Мишутка понял, что „в командировку" — значит, ненасовсем. Он обрадовался. Слово „командировка" понравилось ему ещё больше. Он ходил по квартире и повторял:

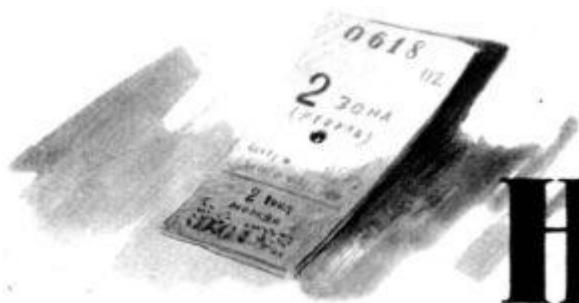
— Командировка... Командировка...

Он так долго играл этим словом, что оно сломалось: из одного большого слова получилось два маленьких — „командир" и „Вовка". Это было очень интересно! Мишутка стал приговаривать:

— Командировка — командир Вовка. Командировка — командир Вовка.

На другой день приехала бабушка и увезла Мишутку в город Бабушкин, в командировку.

ПРОСПАЛ ВСЁ НА СВЕТЕ

Нет, недаром Мишутка капризничал, когда мама после обеда укладывала его спать. Он чувствовал, что это ни к чему хорошему не приведёт. Так оно и вышло.

Едва Мишутка сел в поезд, как ему тут же захотелось спать. Он начал зевать и тереть глаза кулаком. Спать нельзя ни в коем случае. Ведь не каждый день едешь в бабушкин город. Надо всю дорогу смотреть в окно.

Мишутка ёрзал на месте, тряс головой. Он боролся со сном до последней минуты. Но сон оказался сильнее. Он закрыл Мишутке глаза и привалил его к стенке. Мягкую меховую шапку он превратил в подушку. Из шубки сделал тёплое одеяло. А колёсам вагона приказал петь колыбельную песенку. И они запели:

Тут-тук-тук,
Баю-бай...
Тут-тук-тук,
Баю-бай...

Попробуй тут не уснуть!

Поезд несётся вперёд, а Мишутка спит. Светлая ровная чёлка сбилась набок. Губы слегка вытянулись вперёд, будто собираются отхлебнуть из блюдечка. Нос посапывает.

А за окном друг за дружкой бегут телеграфные столбы. Как большие грибы, вырастают кирпичные водокачки. Летит вертолёт, похожий на стрекозу.

Мишутка ничего этого не видит. Он спит. Вот досада!

Напротив Мишутки сидит бабушка. Мишутка маленький, тоненький, а бабушка большая, грузная. И руки

у неё тяжёлые. А на голове серый платок. Бабушка не спит. Она может сколько угодно рассматривать телеграфные столбы, водокачки, вертолёт. Но она смотрит на Мишутку. Смотрит на него долго, будто видит в первый раз. И чего ей так интересно смотреть на Мишутку?

Мишутка проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. Он открыл один глаз. Второй не открывался: не пускают реснички. Пришлось до тех пор тереть его кулачком, пока он не открылся. Мишутка заморгал и стал смотреть по сторонам. Он никак не мог сообразить, где находится.

А бабушка трясла его за плечо и говорила:

— Вставай, командировочный, приехали.

— Как приехали? — встрепенулся Мишутка. — Мы же только отъехали.

— Проспал всё на свете, — сказала бабушка.

Мишутка обиженно посмотрел на неё, как будто бабушка была виновата, что он проспал всё на свете. Потом он зевнул так широко, словно хотел проглотить бабушку.

— Что же ты меня не разбудила? — спросил он.

— Смотри, уже Москва, — сказала бабушка и стала собирать вещи.

Электропоезд „Ярославль — Москва“ замедлил ход. Мишутка вскочил с места. Он прижался носом к холодному стеклу и стал смотреть. В окне перед сплюснутым Мишуткиным носом медленно проплывали дома, большие, как в Ярославле. Мчались навстречу зелёные вагоны электрички. Мигали разноцветные огоньки светофоров.

Пассажиры стали подниматься с мест.

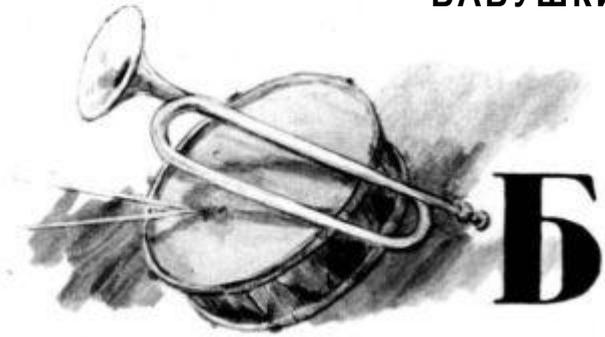
Поезд остановился.

— Приехали. Пойдём, — сказала бабушка.

— Пойдём, — отозвался Мишутка.

Он покрутил головой, чтобы шарф не так кололся, и пошёл за бабушкой.

БАБУШКИН ГОРОД

Бабушка с внуком вышли из одного поезда и тут же сели в другой.

— Обрато поедем? — поинтересовался Мишутка.

— Нет, ко мне домой, — ответила бабушка и пояснила: — Дальние поезда у нас не останавливаются.

— А это ближний?

— Это электричка.

Мишутка понимающе кивнул головой. Поезд тронулся. Он ехал до тех пор, пока чей-то строгий голос не объявил по радио:

— Следующая — город Бабушкин!

Мишутка посмотрел на бабушку. Он думал, что только дома так называют её город. Оказывается, незнакомый проводник тоже знает, где живёт бабушка. Иначе бы он не говорил — „город бабушкин“.

А бабушка даже не обратила на это внимания.

Когда Мишутка и бабушка сошли с электрички, день клонился к вечеру. И кое-где в окнах уже зажгли свет. А фонари ещё не горели: они ждали, когда совсем стемнеет.

Мишутка с бабушкой шли по тротуару. В это время впереди послышался медный голос трубы и барабанная дробь. Казалось, труба о чём-то спрашивала барабан, а он скороговоркой отвечал ей. По мостовой шли пионеры.

Мишутка остановился. Он даже приоткрыл рот, как будто с открытым ртом лучше видно. Бабушка тянула его за руку, а он упирался:

— Хочу посмотреть пионеров.

Пришлось бабушке остановиться и поставить чемодан на землю. Он был тяжёлый.

Пионеры несли большой плакат. На красном кумаче были видны белые, как из снега, буквы.

— Бабушка, что у них написано? — спросил Мишутка. Бабушка прочитала:

— „Пионеры Бабушкина, собирайте лом для газопровода „Дружба“!“

— Пионеры бабушкина? — переспросил Мишутка.

Оказывается, и пионеры называют свой город „бабушкиным“.

— Бабушка, — спросил Мишутка, — это из-за тебя весь город так называли?

А про себя он подумал: „Какая у меня бабушка знаменитая!“

Но бабушка улыбнулась и покачала головой:

— Город назван в честь смелого лётчика. Фамилия его Бабушкин. А я здесь ни при чём.

Пионеры города Бабушкина свернули в соседнюю улицу. И только слышно было, как труба с барабаном говорят на своём весёлом языке.

— Пойдём, а то поздно, — сказала бабушка и потянула внука за руку.

К вечеру похолодало. А Мишутке всё равно было жарко. Вечно его кутают. На дворе весна, а он в шубе. Но Мишутка человек хитренький. Он шагает рядом с бабушкой, а сам незаметно расстёгивает пуговицы. Расстегнул одну, потом другую, потом третью. Шубка распахнулась. Озябший ветерок забрался под меховую полу, решил погреться. Ветер грелся, а Мишутке стало прохладно.

Бабушка увидела, что Мишутка расстегнулся, рассердилась и шлёпнула внука. Но, во-первых, шлёпнула она легонько, а во-вторых, шлепок достался не Мишутке, а шубе, будто она сама расстегнулась, а Мишутка тут ни при чём.

Бабушка стала застёгивать шубку, а Мишутка ёрзал, вертелся. Он был недоволен.

— Простынешь, что тогда будет? — выговаривала бабушка внуку.

— Заболею, — сказал Мишутка.

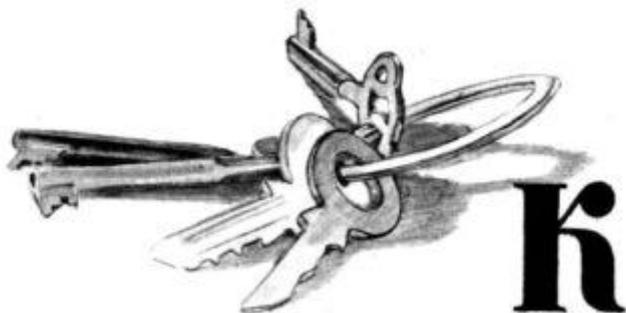
— А кто с тобой возиться будет?

— Ты.

— Я? — переспросила бабушка. — И не подумаю. Отправлю тебя в больницу. Что ты на это скажешь?

Но Мишутка ничего на это не сказал. Он думал уже о другом.

„ТЯЖЁЛЫЙ ЧЕЛОВЕК“, „СТРЕКОЗА“ И „БУКА“

Когда они подошли к большому каменному дому, бабушка ос-

тановилась, перевела дух и сказала:

— Вот мы и прибыли. Здесь я живу.

Мишутка задрал голову, смерил дом с головы до ног. Дом большой. Это хорошо — значит, во дворе много ребят. Кроме того, дом был новый. Его сложили из аккуратных белых кирпичей. Это Мишутке тоже понравилось.

Прежде чем войти в подъезд, бабушка наклонилась к внуку, поправила ему шарф и сказала:

— В квартире веди себя как следует. Не шуми. Со мной живут чужие люди.

Мишутка недоверчиво посмотрел на бабушку и задумался. Как это в квартире могут жить „чужие люди“? Раз живут в квартире — значит, не чужие.

— Ты их не знаешь, „чужих людей“?

— Знаю, но плохо, — пояснила бабушка, — ведь я в доме недавно живу.

Когда они поднимались по лестнице, бабушка доверительно жаловалась внуку:

— Одна соседка очень тяжёлый человек. Другая — стрекоза. А третья — самая настоящая бука — ни на кого не смотрит и дома почти не бывает.

Мишутка шагал со ступеньки на ступеньку и размышлял о бабушкиных соседях.

„Интересно, — думал он, — сколько весит „тяжёлый человек“? Наверное, когда он ходит по коридору, весь дом гремит от тяжёлых шагов. Вот бабушка и недовольна... А у бабушкиной стрекозы есть за спиной прозрачные

крылья? Хорошо бы поскорее посмотреть на неё..." Бука огорчала Мишутку. Он представил себе страшное существо вроде бабы-яги. Бука крадётся по коридору и в тёмном уголке подстерегает Мишутку... Мальчику стало не по себе. Ему захотелось домой. Что за радость жить в одной квартире с Букой?

Но домой он не попросился. Он сказал бабушке:

— А я во дворе бегать буду.

— Я тебе побегаю! — строго сказала бабушка.

— Боишься, задавят?

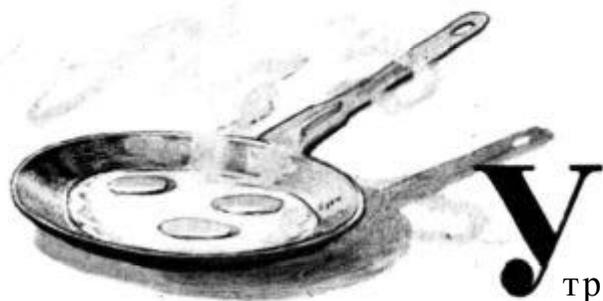
Бабушка ничего не ответила внуку. Ей было тяжело подниматься на четвёртый этаж.

Наконец бабушка и Мишутка подошли к своей двери. Бабушка достала из сумки блестящую связку ключей. Ключи весело звенели, будто обрадовались, что их из тёмной сумки выпустили наружу. Бабушка долго перебирала их. Она искала ключ от двери. Но нужный ключ выскальзывал у неё из рук и прятался за своих товарищей. Наконец бабушка поймала его. Как провинившегося, взяла за ушко и вставила в замочную скважину. Ключ два раза повернулся, и дверь отворилась.

— Запомни: наша квартира номер тридцать три! — сказала бабушка.

Мишутка прибыл к месту назначения — в командировку.

ПИОНЕРКА-СТРЕКОЗА

Утром бабушка ушла на базар, а Мишутка остался один. Одному человеку скучно. Надо пойти кого-нибудь поискать.

Мишутка вышел из комнаты и пошёл на разведку.

Он прислушался.

В квартире номер тридцать три было тихо. Только в кухне журчала вода. Держась за стенку рукой, Мишутка пошёл по тёмному коридору на звук, как на огонёк. Потом он толкнул дверь плечом и очутился на кухне.

У раковины, спиной к Мишутке, стояла одна из жилищек бабушкиной квартиры. Она чистила зубы. При этом так энергично водила щёткой взад-вперёд, словно хотела стереть их в порошок.

А Мишутка стоял и ждал, когда жилищка почистит зубы и с ней можно будет поговорить.

Наконец она сполоснула рот и обернулась. Это была девушка. Лицо у неё было заспанное, а волосы нечёсанные, лохматые. Над верхней губой белели усики от зубного порошка.

— Это что за мужчина появился у нас в доме? — спросила девушка.

Мишутка ничего не ответил. „Бука, — решил он про себя, — так и есть Бука“.

Но Бука оказалась не страшной. Она не зашипела на Мишутку и не погрозила ему костлявым пальцем.

Бука пожала плечами и продолжала мыться. Она набирала в пригоршню воду и окунала в неё лицо. Потом долго тёрла лицо руками. От неё летели брызги. Одна капля попала даже в Мишутку.

Наконец Бука кончила мыться и стала вытирать лицо полотенцем. Когда она снова посмотрела на Мишутку, белых усиков уже не было. Глаза её весело блестели, а щёки стали румяными.

Перед Мишуткой была уже не Бука, а скорее всего Стрекоза. Кто же она на самом деле? Это надо было выяснить немедленно, и Мишутка спросил:

— Ты Бука или Стрекоза?

Мишутка спросил вполне серьёзно, а девушка рассмеялась.

— Разве я похожа на буку?

— Нет, — сказал Мишутка, — ты, наверное, Стрекоза. Девушка снова рассмеялась — она была несерьёзным человеком — и спросила:

— А ты кто такой и что ты здесь делаешь?

— Я в командировке, — сказал Мишутка.

— В командировке? — переспросила Стрекоза, и в её

глазах опять появились смешинки. — Кто же тебя сюда командировал?

— Папа. Пока не устроят в детский сад. Мама пошла работать, а куда меня девать?

Стрекоза сочувственно посмотрела на Мишутку и перестала смеяться. Она спросила:

— А как тебя звать, командировочный?

— Я — Мишутка. А ты?

— А я — Мая.

— Первое мая? — переспросил Мишутка и тут же предложил: — Давай дружить.

— Давай! — сказала Стрекоза Мая и вдруг заторопилась: — Ой, я опаздываю!

Она зажгла газовую плитку, бросила на неё сковородку, ножом подцепила кусок масла, кинула его на сковородку, и масло покатилося, как по льду. Тогда Мая достала два яйца, разрубила их масляным ножом и выплеснула содержимое на сковородку.

Всё это она проделала так быстро и ловко, что Мишуткины глаза едва поспевали за её движениями.

— Смотри за глазуньей, — скомандовала Мая, — я побегу одеваться.

Маю как ветром сдуло. Она исчезла, как будто у неё за спиной и в самом деле были невидимые стрекозиные крылышки. А Мишутка остался следить за яичницей. Он поднялся на носочки и заглянул в сковородку. Оттуда на него смотрели два больших жёлтых глаза.

Мишутка на минутку отошёл и снова вернулся к сковородке. Выпуклые глаза яичницы по-прежнему смотрели на Мишутку и, казалось, говорили: „Что ты за мной следишь? Не убеги. Я ведь не молоко. Я — яичница“.

Пучеглазая яичница и в самом деле никуда не убегала, но от неё вдруг отделилась тёмная ниточка дыма.

— Горит! — закричал Мишутка.

Мая тут же очутилась на кухне и спасла яичницу от гибели.

— Молодец, — похвалила она Мишутку, — если бы не ты, я бы осталась без завтрака.

На Мае было синее платье с белым воротничком. А на платье алел красный пионерский галстук. Стрекоза оказалась пионеркой. Мишутка разглядывал красный галстук, а Мая быстро ела яичницу. Через несколько мгновений сковородка была пуста. А над верхней губой у Маи, там, где были белые усики, теперь появились жёлтые. Мая вытерла рот. Усиков не стало.

— Ты пионерка? — спросил Мишутка. — В школу спешишь?

— В школу, — ответила Мая, — только я не пионерка, а пионерская вожатая.

— Самая главная? — почтительно спросил Мишутка.

— Самая главная! — сказала Мая и чмокнула Мишутку в щёку.

Пионерка-стрекоза улетела, и Мишутка снова остался один.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Когда бабушка вернулась с базара, Мишутка сказал:

— Бабушка, сделай мне яичницу с глазами.

— С какими глазами? — удивилась бабушка.

— С жёлтыми.

Мишутке очень хотелось попробовать, какую яичницу едят пионерские вожатые.

— Ладно, сделаю тебе глазунью.

Мама делала Мишутке яичницу без всяких глаз. Её и есть было неинтересно. Другое дело, когда яичница смо-

трет на тебя. Наверное, все пионеры едят глазунью. Так думал Мишутка.

— А ты знаешь, внучек, какой ночной гость побывал нынче у нас в городе? — спросила бабушка.

Где это было знать Мишутке? Ведь он ночью спал. Он так и ответил:

— Не знаю. Опять проспал.

А бабушка накрывала на стол и рассказывала:

— У нас тут неподалёку есть лес. Называется он Лосиный Остров. Так вот из этого леса ночью забрёл к нам лосёнок.

— Живой? — спросил Мишутка.

— А то какой же! Он заблудился, вышел из леса и шёл до тех пор, пока не очутился в городе.

— Бабушка, где он? — воскликнул Мишутка. — Пойдём скорей посмотреть лосёнка!

— Не торопись. Его там давно уже нет.

— А куда он ушёл?

— Утром его посадили на грузовую машину и увезли.

— В зоологический сад?

— Нет, домой, в лес. К маме-лосихе.

— А он ещё раз прибежит? — поинтересовался Мишутка.

— Кто его знает, — ответила бабушка, — может быть, и прибежит. Ведь он теперь дорогу знает.

Мишутка задумался. Потом сказал:

— Бабушка, пойдём в лес. Может, лосёнка встретим.

— Лес далеко, нам с тобой, пожалуй, не дойти.

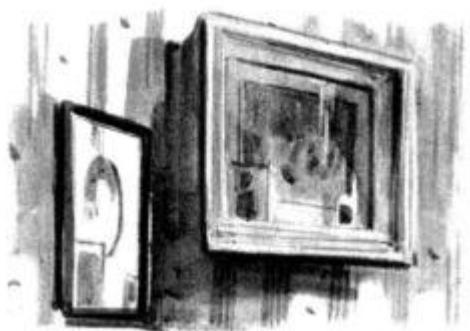
— У тебя ноги старые? — спросил Мишутка.

— У меня старые, а у тебя слабые, — ответила бабушка.

Мишутка вздохнул.

Но с той поры, когда он гулял, всегда посматривал по сторонам и дома нередко подбегал к окошку: боялся, что опять придёт лосёнок, а он его не увидит.

ДОМАШНИЙ МУЗЕЙ

В бабушкиной комнате на стенке висели фотографии. Из рамок, как из окошек, смотрели люди. Все они, по словам бабушки, были Мишуткиными родственниками.

Родственники сидели на стульях, положив руки на колени. Они боялись пошевелиться и не дышали. Фотограф попросил их только на минутку не шевелиться, а на карточках они навсегда остались неподвижными.

Были на фотографиях и ребяташки. Они стояли на стульях в коротеньких рубашонках или лежали на животе совсем голые. Глаза у них были выпученными. Они ждали птичку, которую фотограф обещал выпустить из аппарата. Но птичка не вылетала. Бабушка говорила, что это Мишуткины дяди и тёти. Прямо смешно: дяди и тёти меньше самого племянника.

Один из родственников сидел не на стуле, а на коне. Сбоку у него висела сабля. Мишутка любил эту фотографию за саблю и за коня.

А ещё на стенке висела старенькая, выцветшая фотография, на которой были пионеры. Девочки одеты как мальчики. И причёска у них тоже мальчишеская — никаких косичек. Даже не различишь, кто здесь мальчик, кто девочка. И у всех на груди повязаны пионерские галстуки. Пионеры сидели на траве у костра. А один держал знамя. Эту фотографию Мишутка тоже любил.

Бабушка называла свои карточки в рамках домашним музеем. Каждое утро она старательно вытирала в музее пыль.

Однажды бабушка застала Мишутку за необычным занятием. Он стоял на стуле и внимательно разглядывал фотографию с пионерами.

— Кого ты здесь ищешь? — спросила бабушка.

— Стрекозу, — отозвался Мишутка.

— Какую стрекозу?

— Пионерку-стрекозу Маю.

— При чём здесь Мая, — сказала бабушка, и Мишутка почувствовал, что голос у неё обиженный.

— Её здесь нет?

— Нет.

— А кто же здесь есть? Одни родственники?

Бабушка махнула рукой: слишком много родственников — целый пионерский отряд.

— Здесь я снята, — сказала бабушка.

— Ты? — Мишутка недоверчиво покосился на бабушку. — Ты была пионеркой-стрекозой?

— Стрекозой не была, а в пионерах состояла.

— А разве бабушек принимают в пионеры? — заинтересовался Мишутка.

— А я тогда ещё не была бабушкой.

„Вот странно, — подумал Мишутка, — бабушка и вдруг не была бабушкой. Кем же она была?“

Тут бабушка подошла к фотографии и показала Мишутке на худенькую девочку, третью с левого края.

— Вот это я.

Мишутка посмотрел на тоненькую пионерку, потом на бабушку и не нашёл между ними ничего общего. Может быть, бабушка шутит? И он решил испытать её.

— Бабушка, — сказал он, — расскажи мне, как ты была пионеркой.

— Ладно, — сказала бабушка, — садись-ка, брат, за стол и начинай завтракать, а я тебе буду рассказывать. Идёт?

— Идёт! — ответил Мишутка. — Только ты побольше рассказывай, а я всё съем.

Мишутка и без рассказа всё доел бы. Но он был хитренький.

Бабушка села рядом с внуком и начала рассказывать.

ПИОНЕРКА-БАБУШКА

Когда мне было двенадцать лет... Допивай, допивай молоко!.. У нас на соседней фабрике решили собрать пионерский отряд.

„Кто хочет стать бойцом революции и внуком Ильича, записывайтесь в отряд!“ — сказал нам комсомолец Костя.

И я записалась. Вместе со мной записалось ещё пятеро ребят. А через несколько дней остальные ребята нашего двора тоже пришли к Косте записываться. Всем захотелось стать бойцом революции и внуком Ильича.

Жили мы дружно и весело. Ходили в походы и жгли костры. И был у нас хороший друг — командир полка. Красный конник. На праздники он сажал весь наш отряд на боевых коней, и мы, как красноармейцы, под музыку ехали через город верхом на конях.

— И ты на коне? — спросил Мишутка и недоверчиво посмотрел на бабушку: как это бабушка на коня забиралась?

Бабушка кивнула головой:

— И я! А ещё мы занимались с теми, кто читать и писать не умел, — продолжала рассказывать бабушка. — Я свою бабушку грамоте научила.

Тут Мишутка снова вставил словечко:

— Бабушка, когда вступлю в пионеры, я тебя тоже грамоте научу. Ладно?

— Ладно, — улыбнулась бабушка и продолжала: — Жили мы дружно и всегда выручали друг друга. Однажды мы решили покрасить заводской забор. Достали зелёной краски, раздобыли кисти и принялись за дело. И тут со мной случилось несчастье. Большая малярная

кисть выпала у меня из рук — и прямо на платье. По синим цветочкам прошла яркая зелёная полоса. Я на лету подхватила кисть и крепко прижала её к себе, чтобы она опять не упала. И у меня на плече образовалось новое зелёное пятно. Я посмотрела на своё платье и... заплакала...

Мишутка нахмурился. Ему стало жалко пионерку-бабушку. А бабушка продолжала:

— Тут подходит ко мне вожатый Костя и говорит: „Ты что плачешь? Разве пионеру к лицу слёзы?“

И он посмотрел на меня строго, но сочувственно.

„А что мне делать, — спросила я, — если моё единственное хорошее платье испорчено?“

А Костя говорит:

„Ладно, что-нибудь придумаем. Пионеры товарища никогда в беде не оставят!“

Я вытерла слёзы краешком кумачового галстука. Костя собрал всех ребят и говорит:

„Вот что, через пять минут мы пойдём в кинематограф — так раньше кино называли, — а сейчас мигом по домам за деньгами!“

Ребята удивлённо посмотрели на Костю: забор не покрашен, а он — в кинематограф... Но порядок есть порядок. Все разбежались. А я подумала: „У меня несчастье, а они развлекаться собираются. Разве так настоящие товарищи поступают?“

Через пять минут весь отряд был в сборе. Каждый держал в кулаке деньги. Костя снял с головы кепку и сказал:

„Кладите деньги. В общую казну!“

Все положили деньги. Кто сколько принёс. Тогда Костя сказал:

„Ребята, у нашего товарища Насти беда стряслась. Вот посмотрите: испортила платье при исполнении пионерского долга... Как же мы поможем товарищу?“

Ребята притихли. Смотрят на моё испорченное платье и думают, как бы помочь мне.

И вдруг один паренёк, самый маленький в отряде, говорит:

„Давайте купим ей новое“.

„А где деньги взять?“ — спросил Сеня Кутьяков.

„Деньги у Кости в шапке, вот где деньги!“

„Правильно! — закричали ребята. — Давайте голосовать!“

Тогда Костя вышел вперёд и говорит:

„Кто за то, чтобы вместо кинематографа купить Насте новое платье, поднимите руку“.

Все ребята подняли руки. Им понравилось Костино предложение. И только Сеня Кутьяков не поднял руки.

„А как же кинематограф? — спросил он. — Хочу в кинематограф!“

Но тут на него накинулись все ребята

„Ах ты, буржуй недорезанный! — закричали они. — Товарищ в беде, а тебе кинематограф нужен. Не хочешь товарищу помочь?!“

Сеня даже перепугался:

„Хочу помочь, хочу! — закричал он. — Я не буржуй! Я не... недорезанный!“

Всем отрядом отправились мы в магазин и купили мне новое платье. Было оно ещё лучше прежнего...

Бабушка кончила свой рассказ, а Мишутка вскочил с места и побежал в домашний музей. Он вскарабкался на стул и стал рассматривать пионерскую фотографию.

— Бабушка, — спросил он, — а где вожатый Костя?.. А где Сеня „недорезанный“?

Бабушка надела очки и тоже подошла к снимку. Она показывала Мишутке своих далёких товарищей-пионеров. А он внимательно рассматривал их и молчал.

А потом сказал:

— Бабушка, я тоже хочу быть бойцом революции и внуком Ильича!

Ему очень понравились пионеры.

СИНЕЕ МОРЕ

II

Посреди кухни стояло корыто. В нём была вода. Но не та обычная вода, которая сколько хочешь течёт из крана. Вода в корыте была синяя-синяя, как в море.

Мишутка присел на корточки и стал рассматривать синюю воду. Он думал о море.

Море синее. Это известно каждому. Недаром во всех книжках море раскрашено синей краской. В прошлом году Мишуткин папа ездил к морю. Он вернулся оттуда весёлый и коричневый. В кармане у него лежали гладкие морские камушки.

— Хорошо купаться в море, — рассказывал он, — вода синяя, тёплая. Вот бы тебе, сынок, искупаться в морской водичке!

Мишутка сунул руку в корыто. Ладонка стала синей. Мишутка вынул руку — рука сразу побелела. Как интересно!

Конечно, настоящее море большое, ему тесно в корыте. А маленькому морю хватит и корыта. Море маленькое, и Мишутка маленький. Почему бы ему не искупаться в синем море, как советовал папа?

Не долго думая Мишутка снял башмаки с облупившимися носами и стянул длинные, как макаронины, чулки. Потом Мишутка поставил в корыто одну ногу, другую... Он стоял в синем море. Морская вода была прохладной, но вполне можно было окунуться.

Мишутка решительно снял рубашку, штанишки. И не долго думая сел в корыто. По спине побежали мурашки. Но он не обратил на них никакого внимания. Мишутка зажмурился от удовольствия и стал колотить руками по воде, чтобы были волны. Какое же море без волн!

Весёлые синие волны заходили по корыту. Когда им становилось тесно, они легко переваливали через край и плюхались на пол. На полу кухни образовалась большая синяя лужа. Посреди этой лужи стояло корыто. Теперь Мишутка решил поиграть в пароход: он плывёт на корабле по синему морю. Вот на море поднялась буря и начала качать корабль-корыто. Слева направо. Слева направо...

Воды в корыте становилось всё меньше, а синее море на кухне разрасталось.

И вдруг произошло кораблекрушение. Мишутка сильно навалился на край — корыто перевернулось и накрыло Мишутку, как крышкой. Мишутка очутился в темноте. Под ним была вода.

„Сейчас утону!“ — подумал Мишутка, и ему стало жалко самого себя.

Неужели никто не спасёт мореплавателя Мишутку, попавшего в беду?

КРАСНАЯ ШАПКА

Вдруг кто-то приподнял корабль-корыто. И сразу стало светло. Будто солнце вышло из-за тучи. Мишутка приподнялся на руках и посмотрел на своего спасителя.

Перед ним стояла незнакомая тётя в чёрной шинели с блестящими пуговками, а на голове у тёти была красная шапка с большим козырьком. Такие шапки носят начальники станций. Из-под козырька на Мишутку смотрели два сердитых глаза. Они, казалось, спрашивали: „Это ещё что такое?“

Тётя в красной шапке взяла Мишутку под мышки,

подняла и перенесла через синее море на берег. Берегом была табуретка.

Мишутка спасён. Но ему вдруг стало холодно. Кожа покрылась пупырышками, а зуб не попадал на зуб. Мишутка стоял на табуретке, дрожал, а по его ногам стекали синие струйки моря.

Тётя в красной шапке повернулась и быстро ушла из кухни.

„Что теперь будет? - подумал Мишутка. — Наверное, это Бука! А что хорошего можно ждать от Буки?"

Мишутка уже собрался соскочить с табуретки и побежать в бабушкину комнату, но тут дверь снова открылась, и на пороге появилась Красная шапка. В руках она держала большое мохнатое полотенце. Незнакомая жиличка перешагнула через море, подошла к Мишутке и стала его вытирать.

Она так сильно растирала Мишутку, что он перестал дрожать, а тело его начало гореть. „Это я, наверное, загораю", — подумал Мишутка и покосился на своё плечо: не стало ли оно коричневым. Но плечо было красным.

— Что ты здесь делал? — спросила наконец тётя Бука.

— Купался в море, — ответил Мишутка.

— Так-так, — сказала тётя и стала растирать Мишутку ещё сильнее.

Когда Мишутка стал сухим, тётя спросила:

— Одеваться умеешь?

— Умею, — сказал Мишутка и начал натягивать рубашку.

Но незнакомая жиличка покачала головой:

— Ты рубашку не на ту сторону надеваешь.

Пришлось тёте самой натянуть на него рубашку — на „эту" сторону. Теперь Мишутка расхрабрился и спросил:

— Можно надеть твою красную шапку?

Жиличка ничего не ответила. Она сняла с головы шапку и надела её на Мишутку. Красная шапка была велика и закрыла бы всё Мишуткино лицо, но её не пускали уши. Так она и держалась на ушах.

Мишутка был уже в штанишках, когда на пороге появилась бабушка.

Увидев огромную синюю лужу и раздетого Мишутку в красной шапке, бабушка всплеснула руками и некоторое время молча смотрела на внука, словно от неожиданности позабыла все слова.

Наконец проговорила:

— Что это ты наделал?

И, не дожидаясь Мишуткиного ответа, обратилась к тёте, которую Мишутка принял за Буку:

— Клавдия Ивановна, не беспокойтесь, я сейчас приберу!

А Мишутке она сказала:

— Ах ты, шкодник! Я только собралась бельё постигнуть, а он что натворил. У меня с тобой особый разговор будет!

Бабушка засуетилась. Она не знала, с чего начать: братья ли за тряпку или одевать внука.

И тут строгая Клавдия Ивановна, которая была не Букой, а „тяжёлым человеком“, не выдержала и улыбнулась. Улыбнулась и бабушка. А Мишутка сказал:

— Я в море купался.

И глаза его весело заблестели.

МИШУТКИНЫ ГЛАЗА

М

ама говорила, что у Мишутки чёрные глаза.

Но то же самое она говорила и о Мишуткиных руках, когда руки были грязными. Выходит, у Мишутки глаза такие же грязные, как руки?

Обычно когда Мишутка мыл лицо, то крепко-крепко зажмуривал глаза. Но однажды во время мытья он открыл глаза и провёл по ним намыленной ладошкой. Что тут случилось! Глаза начало щипать. Из них потекли слёзы. Но сам Мишутка не плакал. Он терпел.

Потом он подошёл к маме и спросил:

— А сейчас у меня глаза не чёрные?

Мама внимательно посмотрела в Мишуткины глаза и испуганно сказала:

— Они у тебя красные. Давай поставим градусник. Вот что получилось.

Что только не говорили о Мишуткиных глазах!

Их называли озорными (разве глаза могут озорничать?), бегающими (разве у глаз есть ноги?), хитрыми (хитрым-то был Мишутка, а не глаза!), больными (когда болела голова), сонными (когда спать хотелось самому Мишутке). Ещё, когда Мишутка плакал, его упрекали в том, что глаза у него на мокром месте.

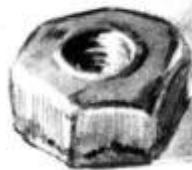
В довершение ко всему выяснилось, что у Мишутки вообще нет своих глаз, а что глаза у него папины. Так решила тётя Зоя.

Однажды тётя Зоя — мамина сестра — поставила Мишутку перед собой и начала делить его по кусочкам. Она говорила:

— Нос — мамин, глаза — папины, губы — мамины, а подбородок — папин. И щёки папины, и уши папины.

Папе досталось больше. Так решила тётя Зоя.

ЭТО ЛОМ ИЛИ НЕ ЛОМ?

У

всех обитателей квартиры тридцать три были свои ключи.

Поэтому когда раздавался звонок, то все знали — это почтальон, или молочница, или тётя, которая почему-то всегда спрашивала: „У вас мышки есть?“

Вот и сейчас зазвонил звонок, и бабушка пошла открывать. А Мишутка пошёл за бабушкой.

Бабушка зажгла в коридоре свет и открыла дверь. На лестничной площадке стоял не почтальон, не молочница и не тётя, интересующаяся мышками. Перед Мишут-

кой и бабушкой стояли три пионера. У каждого из них в руке был большой мешок.

— Извините, — сказал один пионер.

— Мы лом собираем, — сказал другой.

— Нет ли у вас лома, — сказал третий, — старых кастрюль, утюгов без ручек, битых конфорок и вообще.

Бабушка покачала головой:

— На старой квартире много хлама было. А здесь мы живём недавно, не накопили лома.

Первый пионер вздохнул:

— Беда с новыми домами. Нет лома в новых домах.

А второй сказал „извините“, и лицо у него было печальное.

Но тут в разговор вмешался Мишутка:

— Погодите, у меня есть лом.

— Давай сюда! — обрадовались пионеры.

Мишутка побежал в комнату и вскоре вернулся. В руках у него ничего не было. Что же он, подшутил над пионерами?

Но тут Мишутка разжал кулак. На ладошке лежала ржавая гайка.

— Это лом или нет? — спросил он.

Все трое пионеров склонились над гайкой. Они, видимо, решали — лом это или не лом. Наконец один из них сказал:

— Ерунда это, а не лом.

— Это гайка, — сказал второй.

А третий сердито посмотрел на первого и сказал:

— Маленький, но всё же лом. Давай сюда.

Мишутка с радостью протянул ему ржавую гайку.

— Где это ты её раздобыл? — спросил у Мишутки пионер, который сказал „ерунда“.

— На улице подобрал.

— Молодец! — сказал пионер, который признал гайку ломом.

Тут рассердилась бабушка:

— Вечно всякую нечисть подбираешь на дороге.

— Это не нечисть, — сказал Мишутка и посмотрел на пионеров, надеясь на их поддержку, — это лом.

И пионеры поддержали:

— Лом, — сказали они, — только мало.

— А я буду копить, — пообещал Мишутка.

— Правильно, — сказали пионеры, — копи. Мы ещё разок зайдём.

И они ушли. А гайку всё-таки взяли.

Мишутка с завистью посмотрел им вслед. Счастливые! Лом собирают. А ты тут сиди с бабушкой целый день.

После обеда Мишутка сказал:

— Бабушка, пойдём собирать лом.

— Что это ты ещё придумал? Где мы с тобой лом собирать будем? А?

— По квартирам будем ходить, как пионеры. У тебя есть мешок?

Бабушке пришлось долго объяснять Мишутке, что она старенькая, что ей тяжело ходить по квартирам и что когда он подрастёт, то сам будет собирать лом.

С той поры, завидев какую-нибудь железяку, Мишутка спрашивал:

— А это лом или не лом?

БУКА СТАНОВИТСЯ ДРУГОМ

Вот уже несколько дней Мишутка живёт у бабушки. В командировке. Он уже успел познакомиться и подружиться с пионеркой-стрекозой Маей и с её мамой — „тяжёлым человеком“ тётей Клавой. Конечно, взрослые люди не идут ни в какое сравнение с Мишуткиными ярославскими друзьями — Петушком и Олей, но с ними тоже интересно.

Мишутка знал все уголки квартиры номер тридцать три, и только одна дверь оставалась для него закрытой. Она была в конце коридора, эта таинственная, неоткрывающаяся дверь. За этой дверью жила Бука.

Несколько раз с любопытством и страхом подходил

Мишутка к этой двери. Он заглядывал в замочную скважину. Там было темно. Бука не появлялась. Вероятно, она куда-то уехала.

А сегодня, когда Мишутка на цыпочках подкрался к Букиной двери и, прищутив глаз, заглянул в скважину, — там горел свет: Бука появилась!

Мишутка затаил дыхание. Он прислушался. В бабушкиной комнате верещала швейная машина. В Маиной комнате играло радио. Из Букиной комнаты не доносились никаких звуков. Мишутка набрал в себя много воздуха — это для храбрости, — шагнул вперёд и открыл дверь. Он вошёл так тихо, что Бука даже не услышала его шагов. Она сидела спиной к двери и что-то писала.

Мишутка сдерживал дыхание, пока хватало сил. Наконец он не выдержал и выдохнул весь воздух. Тут Бука услышала, что кто-то вошёл, и повернулась.

Она оказалась совсем не лохматой. Напротив, её чёрные волосы были гладко причёсаны. А посередине был пробор, как тропинка. Глаза у Буки были большие и добрые. Они дружелюбно смотрели на Мишутку.

Мишутка стоял молча. Он боялся пошевелиться. А Бука улыбнулась, словно обрадовалась Мишуткиному приходу, и сказала:

— Здравствуй, Мишутка!

Откуда она знала Мишуткино имя?

Голос у Буки был ласковый и напоминал мамин голос.

— Ну, что же ты стоишь? Подойди поближе. Дай на тебя посмотреть.

Мишутка совсем перестал бояться. Он подошёл к Буке и сказал:

— Посмотри.

„А может быть, это вовсе не Бука“, — подумал он.

Таинственная жиличка смотрела на него и улыбалась. Потом она подошла к буфету и достала оттуда кулёк с конфетами. Она протянула его Мишутке и сказала:

— Бери, угощайся.

— Одну? — спросил Мишутка и вопросительно посмотрел на Буку.

— Бери сколько хочешь, — ответила Бука.

— Я возьму три, — сказал Мишутка и запустил руку в кулёк.

Одну конфету он тут же съел. Две других положил в карман „на потом“.

А Бука всё смотрела и смотрела на Мишутку. И вдруг она сказала:

— У меня тоже был такой Мишутка.

— А куда ты его дела? Отправила в командировку?

Бука покачала головой. Она вдруг стала печальной. Мишутке показалось, что она сейчас заплачет. Он быстро полез в карман, достал конфетки, которые оставил „на потом“, и протянул их Буке.

Она слабо улыбнулась, сказала „спасибо“, но конфетки не взяла. А положила их обратно в Мишуткин кулачок.

— Он тяжело болел, — сказала она.

— Надо было позвать доктора, — посоветовал Мишутка.

— Доктора не помогли, — сказала Бука, — и он умер.

Мишутка задумался. Он знал, что такое „умер“. В прошлом году у него умер дедушка. Он лежал в длинном ящике в новом костюме, с закрытыми глазами. И все плакали...

Мишутке стало жалко Буку. Он потянул её за рукав и сказал:

— Ты не плачь. Я к тебе в гости ходить буду. Каждый день. Хочешь?

— Хочу, — сказала Бука и потрепала Мишуткину чёлку.

Так они стали друзьями.

Весь вечер просидел Мишутка у Буки. Он узнал, что её зовут не Букой, а тётёй Ниной. Что тётя Нина геолог. Это такие люди, которые ищут полезные камни. Поэтому она часто ездит в командировки — всё камни ищет. А муж тётя Нины — полярник. Он приедет только через год.

Один камушек тётя Нина подарила Мишутке. Она его сама нашла. В горах Алтая. Камушек был блестящий и шершавый. Он охлаждал руку.

Бабушка спохватилась и пошла искать внука. Она, видимо, тоже боялась войти в таинственную дверь. По-

этому постучала — на всякий случай. Когда она вошла в комнату, Мишутка сказал:

— Бабушка, это не Бука, а тётя Нина.

Бабушка смутилась, протянула тёте Нине руку и сказала:

— Живём с вами второй месяц и не знакомы. Я — Анастасия Петровна.

Тётя Нина пожала бабушкину руку и сказала:

— А я — Нина Ивановна.

Так они познакомились.

КТО ЛЮБИТ СПАТЬ?

К

то из ребят любит ложиться спать?

Никто не любит. Кому охота лежать в постели? Говорить — нельзя, дрыгать ногой — нельзя, играть — нельзя. Ничего нельзя. Можно только спать.

Но разве сразу уснёшь?

Можно смотреть в потолок или теревить уголок одеяла. Но это быстро надоедает.

Бабушка укладывала Мишутку спать, гасила верхний свет и говорила:

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! — отвечал Мишутка и закрывал глаза.

Но не успевал он закрыть глаза, как они сами открывались. Мишутка приподнимался на локте и нараспев говорил:

— Ба-бушка!

— Что тебе?

— Я пить хочу.

Бабушка брала чашку из буфета и наливала в неё из графина воду. Мишутка садился в постели и медленно пил. Ведь на самом деле пить ему не хотелось.

— А теперь спи, — говорила бабушка, когда внук выпивал воду.

На некоторое время Мишутка затихал. Потом он снова приподнимался и звал бабушку:

— Ба-бушка!

— Ты ещё не спишь? — сердилась бабушка. — Что тебе?

— Бабушка, я хочу есть.

— Вот ещё новости! — говорила бабушка. — Я тебе за ужином говорила: ешь как следует!

Бабушка ворчала, но всё же шла к буфету и доставала для внука пирожок.

Мишутка долго ел пирожок. Ведь есть ему тоже не хотелось.

Через некоторое время он говорил:

— Бабушка, почеси мне спинку.

Бабушка чесала внуку спинку.

— Когда ты наконец уснёшь? — сердилась она.

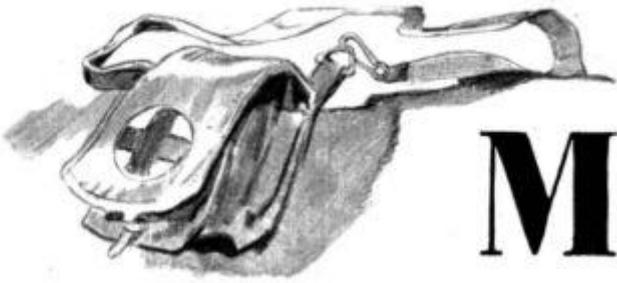
Но Мишутка не засыпал. Он лежал с открытыми глазами и соображал: что бы ещё придумать?

Мишутка был хитреньким: он не хотел ни есть, ни пить и спинка у него совсем не чесалась. Ему просто не хотелось спать.

Маме хорошо были известны повадки сына. Но бабушка не знала Мишуткиных хитростей. Она вздыхала, сердилась, бранилась, но всё же выполняла его просьбы.

Мишутка хитрил до тех пор, пока к нему не подкрадывался сон. Сон оказывался хитрее Мишутки. Он незаметно закрывал ему глаза.

„КТО НЕ РАБОТАЕТ — ТОТ НЕ ЕСТ!“

М

ишутка читал книжку. Это значит — он смотрел картинки. Он смотрел картинки и сам себе рассказывал, что на них было нарисовано. Так он читал.

На одной картинке были нарисованы рабочие с флагами. А двое из них держали в руках плакат. Такой же, как пионеры города Бабушкина. Может быть, рабочие тоже собирали лом?

— Бабушка, что здесь написано? — спросил Мишутка, тыча пальцем в большие буквы плаката. — Прочти.

Бабушка надела очки, подошла к внуку и прочитала: — „Кто не работает — тот не ест!“

Мишутка задумался.

— Бабушка, — сказал он, — мы с тобой тоже не работаем, а едим. Как же так?

Бабушка улыбнулась:

— Ты не работаешь, потому что ещё мал. А я своё отработала. Теперь я пенсионерка.

— Ты пионерка-пенсионерка? — спросил Мишутка.

Бабушка опять заулыбалась:

— Выдумщик ты у меня. Твоя бабушка тридцать лет в больнице проработала. Сестрой была.

— А разве сестрой работают? — поинтересовался Мишутка. — И братом тоже работают?

— В больнице сёстры не простые, а медицинские. Они помогают больным. Дают им лекарства, ставят горчичники... А на войне перевязывают раны.

— А ты была на войне? Перевязывала раны?

Тут бабушка взяла Мишутку за руку и повела его в домашний музей.

Она показала ему фотографию, на которой стоял военный человек. В шапке, в шинели, в чёрных сапогах. Руки военный держал по швам. Правда, у военного не было сабли и коня тоже не было.

— Вот это я, — сказала бабушка.

Мишутка внимательно посмотрел на карточку, потом на бабушку. Бабушка была не похожа на солдата в шинели, а солдат был не похож на бабушку. Но ведь пионерка тоже была не похожа на бабушку.

— А где твоя сабля? — спросил Мишутка.

— У меня сабли не было, ведь я была санитаркой. Зато видишь — у меня на плече висит сумка с лекарствами и бинтами.

Мишутка присмотрелся и увидел на правом боку у бабушки-солдата сумку с крестом. Где-то он видел такую сумку? Да вот она висит в углу на гвоздике.

Мишутка подбежал к сумке и спросил у бабушки:

— Эта?

— Эта, — кивнула бабушка.

— А можно я её надену? — спросил Мишутка.

— Можно. Только я пыль с неё смахну.

Бабушка сняла с гвоздя сумку, вытерла её тряпкой и протянула внуку. Сумка была большая, с красным крестом посередине. Когда-то сумка была зелёной. Но её мочили дожди и пекло солнце. Краска выгорела, и сумка стала рыжей.

Мишутка взял сумку из бабушкиных рук и надел её на плечо. Потом он стал ходить по комнате, как солдат. Ему хотелось быть похожим на бабушку. Не на эту старенькую, а на ту, которая стоит в шинели и держит руки по швам.

СКОРО ВЕЧЕР?

О

днажды бабушка сказала:

— Пионеры пригласили меня на сбор. Пойдёшь со мной или дома побудешь?

Странный человек бабушка. Неужели она думает, что Мишутке интереснее побыть дома, чем пойти на настоящий пионерский сбор?

Мишутка спросил:

— Сейчас пойдём?

— Нет, вечером, — сказала бабушка.

И зачем бабушка сказала Мишутке о сборе заранее? Теперь он каждую минуту спрашивал:

— Скоро вечер?.. Скоро вечер?..

А на улице было светло. Вечер не торопился.

Весь день Мишутка ходил за бабушкой. Бабушка на кухню, и Мишутка на кухню, бабушка в комнату, и он за ней. Может быть, он боялся, что бабушка уйдёт без него на сбор?

Наконец стемнело. Настал вечер. И бабушка сказала:

— Давай собираться, пора.

— Давай, давай, — обрадовался Мишутка.

Бабушка стала одевать Мишутку. Надела ему белую рубашку и синие брючки. И сама тоже приделась. Она надела новую шерстяную кофту. На кофте сверкала большая красная звезда. Мишутка сразу заметил звезду. Он долго её рассматривал и даже потрогал рукой.

— Это, бабушка, тебе дали, когда ты октябрёнком была? — поинтересовался он.

Бабушка засмеялась и покачала головой:

— Нет, октябрёнком я не была. Это, внучек, боевой орден. Меня им на войне наградили, когда я санитаркой была. Я из-под огня сорок три раненых бойца вынесла.

Узнав, что красивая красная звёздочка — настоящий орден, Мишутка не решался даже дотронуться до неё.

Что за бабушка у Мишутки!

Он считал, что бабушка всю жизнь ходила на базар, варила обеды и гладила бельё. А она, оказывается, и первая пионерка и первая санитарка. Конечно, первая. Если бы была не первой, разве дали бы ей орден.

— Готов? — спросила бабушка.

— Готов!

— Тогда пошли.

Бабушка и внук вышли из дома.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

До школы было два шага. Но Мишутка всю дорогу торопил

бабушку, тянул её за руку:

— Скорей, а то опоздаем!

Он очень боялся, что пионерский сбор начнётся без него.

Наконец они пришли в школу. Здесь у входа их встречали девочки в белых фартуках и в красных галстуках. Увидев бабушку, они засмутились, стали незаметно подталкивать друг друга. (Они думали, что незаметно, а Мишутка это сразу заметил.) Но вот самая смелая черноволосая девочка вышла вперёд и сказала:

— Здравствуйте, Анастасия Петровна, мы вас ждём.

Бабушка поздоровалась с девочками-пионерками. А они обступили её и повели раздеваться. Мишутка остался один. На него никто не обращал внимания. Даже бабушка и та забыла о нём.

Ну, нет! Разве бабушка может забыть о своём внуке?
— Мишутка, где ты? — крикнула она.

— Я здесь! — сказал Мишутка тоненьким голоском.

Девочки-пионерки обернулись и все кинулись к Мишутке.

Одна снимала с него шапку, другая — пальто. А Мишутка вырывался и всё говорил:

— Я сам, я сам.

Он терпеть не мог, когда девчонки помогали ему.

Когда бабушка и внук разделись, девочки повели их по лестнице в зал. И тут произошла неожиданная встреча.

Навстречу им по лестнице спускалась Мая. Вид у Маи был важный. Она совсем не была похожа на ту пионерку-стрекозу, которая чистит на кухне зубы и жарит яичницу с большими жёлтыми глазами.

Мая увидела Мишутку с бабушкой и удивлённо посмотрела на них.

— А что здесь делает наш единственный мужчина? — спросила она.

Мишутка сконфузился. Бабушка улыбнулась. А девочки-пионерки стали делать Мае таинственные знаки. Но Мая ничего не понимала. Тогда чёрненькая девочка подошла к Мае и зашептала ей на ухо. От волнения она шептала так громко, что Мишутка и бабушка всё слышали:

— Это же наша гостья, — шептала девочка, — первая пионерка Анастасия Петровна Хлебникова.

Тут уже растерялась Мая. Она виновато посмотрела на бабушку и сразу перестала быть важной.

— Так вы первая пионерка? А я и не знала. Я Думала, вы её однофамилица, — виновато сказала Мая.

— А вот девочки узнали, хотя и не живут со мной в одной квартире, — не то шутя, не то с упрёком сказала бабушка.

Мая покраснела. Стала красной, как её галстук. Она, наверное, тоже думала, что Мишуткина бабушка всю жизнь ходила на базар и стряпала обеды. Но бабушка сказала:

— Ничего, ничего, Мая. Поживём подольше, лучше узнаем друг друга.

И Мишутка сказал:

— Ничего, Мая! — и потянул бабушку за руку: он спешил на сбор.

Мая, бабушка, Мишутка и девочки-пионерки пошли в зал. — Пожалуйста, — сказала Мая, пропуская бабушку вперед.

А Мишутке она растрепала чёлку. Это она всегда так делала.

ПИОНЕРСКИЙ СБОР

В большом, ярко освещённом зале было полно народу. Пионеры сидели спиной к двери. Мишутка видел только их затылки да красные уголки галстуков. Ребята шумели, ёрзали на стульях. Им тоже хотелось, чтобы скорей начался сбор.

И вдруг кто-то сказал:

— Идёт!

„Идёт! Идёт!..“ — понеслось по рядам. И сразу все повернулись к бабушке и Мишутке. Зашумели стулья. Пионеры встали. И весь зал захлопал в ладоши.

Мишутка и бабушка шли через зал, а пионеры всё хлопали и хлопали. Мишутка тоже взял и захлопал в ладоши. Вместе с пионерами.

Мишутка с бабушкой поднялись на сцену. Они сели за большой стол, накрытый красной бархатной скатертью. А ребята всё хлопали.

Тут Мая подняла руку, и хлопки утихли. Пионеры слушались Маю. Мая сказала:

— Внимание! — и в зале сразу стало тихо. — К выносу знамени дружины стоять смирно!

Ребята встали. А руки их взлетели, как стая птиц, и застыли в воздухе. Это пионеры отдавали салют знамени.

Ребята держали руки над головой, и Мая держала руку над головой.

Мишутка тоже поднял руку. И хотя руке было тяжело, он не опускал её.

Заиграла медная труба, и загремел барабан. И как

тогда на улице, труба спрашивала, а барабан отвечал ей на своём барабанном языке. Пионеры внесли знамя на сцену.

Когда знамя было принесено, все опустили руки и сели. По Маиной команде. Мишутка тоже сел. Ребята смотрели на Мишуткину бабушку. Им интересно было посмотреть на первую пионерку. И Мишутка тоже посмотрел на бабушку, хотя видел её каждый день. Мая поднялась и сказала;

— Ребята! У нас в гостях одна из первых пионерок — Анастасия Петровна Хлебникова. Попросим её рассказать...

Ребята не дали договорить Мае и снова захлопали. Казалось, что весёлые частые хлопки просили бабушку рассказать, как она была пионеркой.

Бабушка встала. Она тяжело дышала, будто только что поднялась по лестнице. Она волновалась. Бабушка дождалась, пока ребята притихнут, и сказала:

— Дорогие ребята, много лет назад я была такой же, как вы. И звали тогда меня не Анастасия Петровна, а просто Настя. Тогда ещё был жив товарищ Ленин...

Ребята не дыша слушали бабушку. И Мишутка тоже старался сидеть тихо, не ёрзать на стуле, не сопеть носом, чтобы не мешать бабушке рассказывать. Бабушка говорила о том, как она записалась в пионерский отряд, как первые пионеры ходили в поход, дружили с красными конниками и учили грамоте своих бабушек. Не забыла она рассказать и о том, как испортила платье малярной кистью, и о том, как ребята выручили её, потому что они были пионерами, а пионеры всегда выручают товарища в беде.

Мишутка сидел смирно и не сводил глаз с бабушки, будто впервые слушал её рассказ.

Когда бабушка кончила рассказывать, ребята снова долго хлопали ей. На этот раз звонкие хлопки благодарили её. Мишутка вскочил с места и тоже хлопал. Ему

нравилось хлопать. А ребята показывали на Мишутку и улыбались. И бабушка тоже улыбалась.

Потом к бабушке подошёл мальчик. В руках он держал новенький красный галстук. Он сказал:

— Дорогая Анастасия Ивановна!

Он, наверное, волновался и вместо „Петровна" сказал „Ивановна". Но бабушка не поправила его, чтобы не конфузить.

— Наша дружина, — продолжал мальчик, — хочет принять вас в почётные пионеры. Разрешите повязать вам галстук.

Бабушка наклонила голову. Мальчик надел ей галстук и завязал узлом. Узел получился неровный: это от волнения. Потом мальчик встал перед бабушкой и отдал ей пионерский салют. И бабушка, как в далёкие годы, когда она тоже была пионеркой, подняла руку и сказала:

— Всегда готов!

Пионеры снова захопали. А Мишутка потянул бабушку за рукав и спросил её:

— Ты опять пионерка?

Но бабушка не успела ответить Мишутке — пионеры запели песню „Взвейтесь кострами, синие ночи!"

Вместе со всеми запела и бабушка. Мишутка никогда не думал, что бабушка может петь песни. А она пела сильным голосом. Да ещё и руками размахивала, чтобы ребята пели дружнее. Она старалась: пусть все знают, как поёт старая пионерская гвардия!

Мишутка не понимал, как это синие ночи могут взвиться, да ещё кострами. Но песня ему всё равно нравилась.

В красном галстукe бабушка словно помолодела. Глаза её весело сверкали. Она не переставала улыбаться. И, когда ребята хлопали, тоже била в ладоши. Только не так сильно, как Мишутка. А на кофте у неё рядом с боевым орденом алел красный пионерский галстук.

БАБУШКИН ГАЛСТУК

Дома бабушка сняла пальто и тяжело опустилась на стул — устала.

Она провела рукой по лбу и закрыла глаза. Мишутка даже перепугался:

— Бабушка, что с тобой? Заболела?

Но бабушка покачала головой. Она не заболела. Просто утомилась. Уже много лет ей не приходилось выступать на сборе и петь пионерские песни.

Потом бабушка неторопливо развязала новенький пионерский галстук, сложила его пополам и сказала:

— Вот на старости лет снова в пионеры приняли.

— Значит, ты опять пионерка?

— Пионерка-пенсионерка, — пошутила бабушка.

Но Мишутка не улыбнулся бабушкиной шутке. И снова стал серьезным. Он смотрел на галстук.

Простой пионерский галстук притягивал к себе мальчика. Как Мишутка хотел бы стать обладателем этого галстука!

Бабушка, видимо, угадала желание внука. Она помянула к себе Мишутку и спросила:

— Хочешь, подарю тебе галстук?

— А как же ты? — спросил Мишутка.

— Я без него проживу, а тебе, Мишутка, рано или поздно он понадобится.

— Бабушка, а скоро будет „рано или поздно“?

— Скоро. Ну-ка примерь галстук.

Мишутка не верил своим глазам. Бабушка взяла галстук, накинула Мишутке на шею и завязала аккуратным узлом. Пока бабушка надевала галстук, Мишутка не дышал, чтобы не помешать.

Потом бабушка сказала:

— Ну, юный пионер, будь готов!

— Всегда готов! — ответил Мишутка и поднял руку над головой.

— Бабушка, я теперь пионер? — спросил он.

— Нет, Мишутка, — покачала головой бабушка, — пока ещё не пионер. Вот когда подрастёшь, дашь торжественное обещание...

— Я могу сейчас пообещать, — перебил её Мишутка.

— Сейчас не годится. А галстук я тебе дарю. Спрячь его. Подрастёшь, примут тебя в пионеры, тогда, и повяжешь бабушкин красный галстук.

— А немного поносить можно? — спросил Мишутка.

— Немножко можно, — согласилась бабушка.

Весь вечер Мишутка ходил по квартире в пионерском галстуке.

Зашёл к тёте Клаве, показал Мае. У тёти Нины тоже побывал. И все говорили:

— Наш единственный мужчина пионером стал.

Мишутке это очень нравилось.

Вечером, перед тем как лечь спать, он снял галстук, аккуратно сложил его и спрятал под подушку.

— Чтобы не пропал, — пояснил он.

И, уже засыпая, сказал:

— Я его никогда не потеряю.

Ночью Мишутка несколько раз просыпался и запускал руку под подушку, чтобы проверить: на месте ли галстук? Не пропал ли он? И каждый раз его руку приятно холодила гладкий шёлк. Галстук был на месте. Мишутка снова засыпал.

ЕДИНСТВЕННЫЙ МУЖЧИНА

С появлением Мишутки в квартире номер тридцать три произошли большие изменения.

Раньше, возвратившись домой, обитатели бабушкиной квартиры расходились по комнатам и старались как можно реже выходить из них. Жильцы даже не знали как следует друг друга и жили, как чужие люди. Бабушка называла своих соседок „тяжёлым человеком“, „стрекозой“ и „букой“. И, наверное, они бабушку тоже как-нибудь называли, потому что не знали её.

А когда появился Мишутка, всё пошло по-другому. Соседки неожиданно стали Мишуткиными друзьями. Каждая старалась поговорить с Мишуткой, угостить его вкусеньким. Ведь Мишутка был единственным мужчиной в квартире номер тридцать три.

Подружившись с Мишуткой, жильцы подружились друг с другом. Вожатая Мая, которую бабушка раньше называла „стрекозой“ за то, что она, никого не замечая, носилась взад-вперёд по квартире, — вожатая Мая то и дело забегала к Мишуткиной бабушке. Мая рассказывала бабушке все свои пионерские новости и даже советовалась с ней, как с первой пионеркой. А когда она ходила в булочную, то обязательно покупала чёрного хлеба и на бабушкину долю. Чтобы бабушке лишний раз не ходить.

Тётя Клава тоже оказалась не таким уж „тяжёлым человеком“. Правда, иногда она вспыхивала, но тут же отходила. Потому что была добрым человеком. Просто нервы у неё не в порядке.

Тётя Нина, которую бабушка сначала приняла за „буку“, оказалась сердечным человеком. А хмурой она

была потому, что у неё недавно случилось горе. Был у неё свой Мишутка, и его не стало. Тут каждый будет хмурим...

А Мишуткина бабушка? Кто из обитателей квартиры тридцать три знал, что она была первой пионеркой и на фронте спасала раненых бойцов? И что у неё есть боевой орден!

Когда люди узнают всё друг о друге, они перестают быть чужими. И становятся „своими“.

Так Мишутка, сам того не замечая, сдружил четверых малознакомых людей.

В квартире стало жить веселей. Теперь дверь „буки“ каждый вечер была немного приоткрыта. Это для того, чтобы Мишутка почаще заходил туда. Тётя Нина стала пораньше возвращаться с работы. И даже начала варить дома обед: раньше она обедала только в столовой.

Тётя Нина усаживала Мишутку рядом с собой на диван и рассказывала ему о своих походах по высоким горам и тёмным лесам. А иногда она становилась грустной и говорила о своём Мишутке. И бабушкин Мишутка старался утешить её.

Обитатели квартиры с тревогой подумывали о том, что скоро Мишутка уедет. Кончится командировка, и не станет в квартире единственного мужчины.

МИШУТКИНО ПИСЬМО

Как-то Мишутка сказал:
— Бабушка, дай мне, пожалуйста, бумагу и карандаш.

— Зачем тебе? — поинтересовалась бабушка. — Рисовать будешь?

Мишутка замотал головой.

— Нет. Письмо буду писать. Маме.

Бабушка достала листок белой бумаги и карандаш. Мишутка уселся поудобнее и призадумался. А бабушка со стороны наблюдала за ним.

— Что же ты не пишешь? — спросила она.

— Позабыл буквы, — сказал Мишутка и вздохнул.

— А знал ли ты буквы? — спросила бабушка.

— Знал.

— Много букв знал?

— Три буквины, — сказал Мишутка. — Знал и позабыл. Давно не писал.

— Тремя буквами письма не напишешь, — сказала бабушка. — Трёх букв мало.

— А сколько их надо для письма?

— Много... Давай лучше так: ты мне говори, а я писать буду, — предложила бабушка.

Мишутка нехотя отдал бабушке бумагу и карандаш. Он стал диктовать:

— „Дорогая мама, я хочу домой...”

— Не торопись, — сказала бабушка, — а то я за тобой не поспеваю.

Бабушка писала медленно. Мишутка продолжал:

— „Бабушка меня не обижает...”

— Это почему же родная бабка должна тебя обижать? А? — обиделась бабушка, но всё же написала и эти слова.

— „И никто меня не обижает. А домой я хочу просто так... Бабушка подарила мне пионерский галстук. Когда вырасту, вступлю в пионеры... Приезжай скорей за мной. Командировка кончилась. Целую тебя и папу. Сын Михаил”.

— Ишь, „Михаил”, — усмехнулась бабушка, заканчивая письмо. — Подписываешься, как большой.

— А что я — маленький? — спросил Мишутка и покачал головой: — Всё маленький да маленький. Не хочу быть маленьким.

Мишутка взял у бабушки письмо и внимательно стал его рассматривать, будто хотел проверить, не пропустила

ли чего бабушка. Потом взял карандаш и на свободном месте нарисовал какого-то зверя на четырёх ногах.

— Кто это? Козлёнок? — спросила бабушка.

— Это лосёнок, — пояснил Мишутка, — который из леса прибежал.

Письмо было положено в конверт и отправлено. Мишутка сам опустил его в почтовый ящик, когда они с бабушкой пошли гулять. Ящик висел высоко. Пришлось бабушке поднимать внука.

— Ух какой ты тяжёлый! — сказала она, переводя дух.

А Мишутка задумался над тем, каким образом письмо из этого синего почтового ящика попадёт в маленький зелёный ящик с дырочками, который висит на дверях Мишуткиной квартиры в городе Ярославле.

ПРОЩАЙ, МИШУТКА!

Через три дня за Мишуткой приехал папа.

— Собирайся домой, брат, — сказал он, — кончилась командировка. Определили тебя в детский сад. Ясно?

— Ясно, — ответил Мишутка и стал собираться в обратную дорогу.

Вместе с бабушкой он уложил все свои вещи в чемодан. А сверху положил бабушкин подарок — красный галстук. Не забыл он захватить и камушек, который подарила ему тётя Нина.

Пока папа рассказывал бабушке последние новости, Мишутка подошёл к домашнему музею. Он попрощался со старой санитарной сумкой, с которой бабушка не расставалась всю войну. Потом он попрощался со всеми

родственниками, которые, как из окошек, смотрели из рамок. Попрошался с бабушкой-пионеркой, с бабушкой-санитаркой. А тут подоспело время прощаться и с самой бабушкой-пенсионеркой.

— Пора идти, — сказал папа, — а то на поезд опоздаем.

— Сейчас поедem, — сказал Мишутка и выбежал из двери. Ему надо было успеть попрощаться со всеми своими новыми друзьями.

На прощание Мая сказала ему:

— В следующий раз приедешь — пойдём с пионерами в Лосиный Остров, лосей смотреть.

Тётя Клава сказала:

— Я тебя в другой раз на паровозе покатаю. Обязательно.

Она была начальником станции и командовала паровозами.

А тётя Нина долго смотрела в глаза Мишутки и наконец сказала:

— Прощай, Мишутка.

— Я ещё приеду, — сказал он.

Но тётя Нина покачала головой:

— Теперь приедет Мишутка подросток, повзрослевший. А такой Мишутка уже никогда не приедет.

А когда за Мишуткой пришёл папа, она сказала:

— Что же вы от нас единственного мужчину увозите?

Папа улыбнулся и стал поторапливать сына.

Вся квартира вышла провожать Мишутку.

Бабушка надела на Мишутку шубу и застегнула на все пуговицы.

— И чтобы не расстёгивался, слышишь! — наказывала она. — А то продует.

— Не продует, — сказал Мишутка.

Бабушка строго посмотрела на внука. А потом вдруг прижала его к себе и долго не отпускала.

— Когда теперь приедешь к бабушке? — спросила она.

— Скоро, — отозвался Мишутка.

И вдруг он почувствовал, что ему тяжело расставаться с бабушкой и со всеми обитателями квартиры тридцать три.

Почему люди должны расставаться? Разве нельзя сделать так, чтобы все жили вместе?

Мишутке хотелось заплакать. Но он не заплакал. Он был мужчиной. Мишутка поцеловал бабушку и вместе с папой направился к двери.

Прощай, Мишутка. До свиданья!..

Когда папа с сыном вышли на улицу, Мишутка остановился. Он показал папе бабушкино окно. И тут в окне он увидел бабушку и всех остальных жильцов квартиры тридцать три. Они смотрели ему вслед и махали руками. И Мишутка тоже помахал им рукой.

Кончилась Мишуткина командировка. Мишутка возвращался домой, в Ярославль.

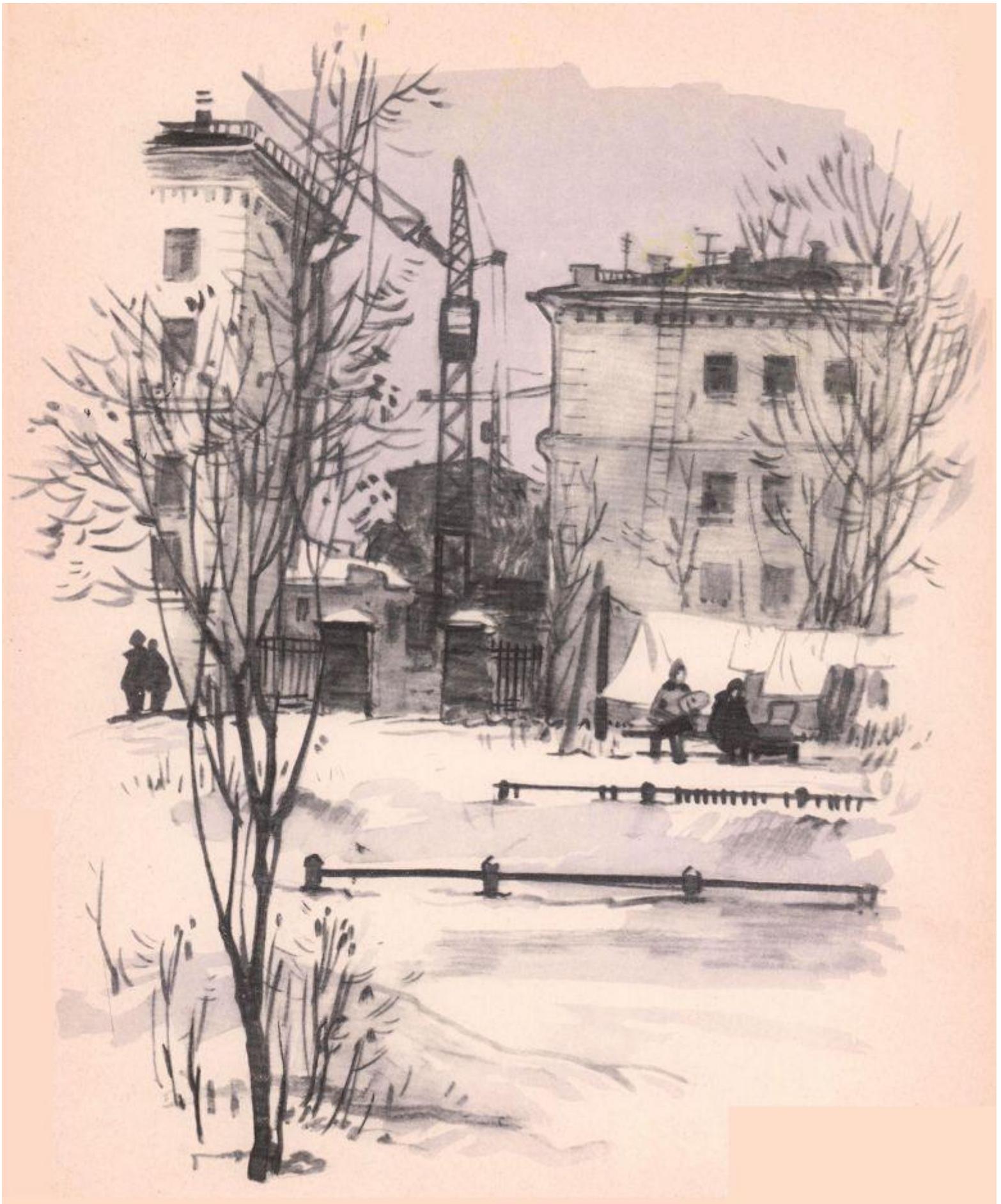

О Г Л А В Л Е Н И Е

Командировка	3	Это лом или не лом?	28
Проспал всё на свете	5	Бука становится другом	31
Бабушкин город	7	Кто любит спать?	35
«Тяжёлый человек», «стре- коза» и «бука»	10	«Кто не работает — тот не ест!»	37
Пионерка-стрекоза	11	Скоро вечер?	39
Ночной гость	15	Неожиданная встреча	40
Домашний музей	17	Пионерский сбор	43
Пионерка-бабушка	20	Бабушкин галстук	47
Синее море	23	Единственный мужчина	49
Красная шапка	24	Мпшуткино письмо	50
Мпшуткнны глаза	27	Прощай, Мишутка!	52

Цена 18 коп

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Яковлев Юрий Яковлевич

МИШУТКИНА КОМАНДИРОВКА

Ответственный редактор *Л. Я. Либет*. Консультант по художественному оформлению *П. И. Суворов*. Технический редактор *М. Я. Басс*. Корректор *Т. П. Лейзерович*. Сдано в набор 4/II 1962 г. Подписано к печати 14/II 1962 г. Формат 62X 90/, — 7,5 печ. л. (3,99 уч.-изд. л.). Тираж 165 000 экз. ТП 1962 № 114.

Детгиз Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушеvский вал, 49. Заказ № 2080.